

Ефименко П.П. Некоторые итоги изучения ископаемого человека в СССР (1932 – 1935 гг.) // Материалы по четвертичному периоду СССР. – М.; Л.: Гл. ред. геол.-развед. и геодез. лит., 1938. – С. 111 – 120.

Кимура Х. Мамосу-о оттэ [По стопам мамонта]. – Саппоро: Иккося, 1985. – 118 с. (на яп. яз.).

Кимура Х. Каменные орудия из Сибири и с Хоккайдо // Кюсэкидзин-но сэйсацу то сюдан [Жизнь и коллективы носителей палеолитических культур]. – Токио: Коданся, 1988. – С. 169 – 179 (на яп. яз.).

Кимура Х. Микролитическая индустрия Северной Японии // Токати кокогаку-то томони [Археология Тока-ти]. – Б.г.: Токати кокогаку кэнкюдзё, 1991а. – С. 1 – 8 (на яп. яз.).

Кимура Х. Миграция человека в Сибирь // Монгоро-до – 1991б. – № 10. – С. 16 – 25 (на яп. яз.).

Кимура Х. Галечная традиция и палеолитическая культура Сибири // Кокогаку кэнкюдзё хококу. – 1992а. – № 3. – С. 345 – 387 (на яп. яз.).

Кимура Х. Адаптация к холодному климату древних обитателей Сибири // Акутику сакуру. – 1992б. – № 5. – С. 4 – 8 (на яп. яз.).

Кимура Х. Сибэриа-но кюсэки бунка [Палеолитические культуры Сибири]. – Саппоро: Хоккайдо дайгаку дзусё канкокай, 1997. – 320 с. (на яп. яз.).

Лаухин С.А., Дроздов Н.И., Панычев В.А., Величко С.В. Возраст последнего оледенения на Северо-Восточной Чукотке // Изв. АН СССР. Серия геол. – 1989. – № 3. – С. 136 – 140.

Логачев Н.А., Ломоносова Т.К., Климанова В.М. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. – М.: Наука, 1964. – С. 196.

Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 44 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Нисида С. Стоянка Пирика I в Имаганэ-тё // Хоккайдо майдзо бункадзай сэнта тэса хококусё. – 1985. – № 23. – С. 1 – 23 (на яп. яз.).

Окладников А.П. Палеолит и мезолит в Сибири // Сэндоки дзидай. – 1965. – № 1. – С. 150 – 158 (на яп. яз.).

Окладников А.П. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае // Палеолит Сибири. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 5 – 20.

Паничкина М.З. Палеолитические нуклеусы // Археол. сб. – Л.: 1959. – № 1. – С. 7 – 77.

Равский Э.И. Геология мезозойских и кайнозойских отложений: алмазонаосность юга Тунгусского бассейна. – М.: Наука, 1959. – 179 с.

Равский Э.И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 335 с.

Равский Э.И., Александрова Л.П., Вангенгейм Э.А., Гербова В.Г., Голубева Л.В. Антропогенные отложения юга Восточной Сибири. – М.: Наука, 1964. – 280 с.

Шуныхов М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 159 с.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. – М.: Наука, 1979. – 284 с.

Derev'anko A.P. Paleolithic of Northern Asia and the Problem of Ancient Migrations. – Novosibirsk: Inst. Arch. and Ethnogr. SB Acad. Sciences, 1990. – 123 p.

Johnsen S.J., Clausen H.B., Dansgaard W. et al. Irregular glacial interstadials recorded in a new Greenland ice core // Nature. – 1992. – N 359. – P. 311 – 313.

Kimura H. Microblade Industries in Siberia // Archaeology Series. – 1998. – N 2. – 219 p.

Kimura H. Microblade Industries in Siberia // Archaeology Series. – 1999. – N 8. – 48 p.

Usik V.I. Korolevo I – transition from Lower to Upper Paleolithic according to reconstruction data // Anthropologie. – 1989. – V. 27, Pt 2, N 3. – P. 179 – 212.

Материал поступил в редколлегию 2.10.02 г.

УДК 903.3

Д. Надель

*Институт археологии имени Цинмана,
Университет г. Хайфа
Хайфа, 31905, Израиль
E-mail: dnel@research.haifa.ac.il*

МНОВЕКОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ: ХИЖИНЫ ИЗ ВЕТОК НА ПОСЕЛЕНИИ ОХАЛО II И ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ НАТУФИЙСКОЙ ЭПОХИ И СТАДИИ А ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА В ДОЛИНЕ ИОРДАНА

Введение

Переход от эппалеолита к раннему неолиту на Средиземноморском побережье Леванта хорошо отражен в археологических источниках и служит одним из наиболее документированных примеров перехода от социальной организации, основанной на кочевом охотничье-собираательском хозяйстве, к оседлости и земледелию [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1989; Henry, 1989].

Эппалеолит Леванта (ок. 20 тыс. – 10,3 тыс. л.н., все даты некалиброванные, см.: [Bar-Yosef, Vogel, 1987; Goring-Morris, 1995]) охватывает период от последнего ледникового максимума до границы между плейстоценом и голоценом. На протяжении большей части этого периода быстрых культурных изменений побережье Леванта с богатым и разнообразным ландшафтом было заселено маленькими группами людей, совершавшими сезонные перекочевки и занимавшимися охотой и собирательством, причем число освоенных ими видов животных и растений было велико. Анализ археологических материалов из множества поселений позволил выделить комплексы Масрака, Кебара и Геометрический Кебара (см.: [Goring-Morris, 1995, Goring-Morris, Belfer-Cohen, 1998]).

Переход к последней фазе эппалеолита ознаменовался существенными изменениями. В средиземноморском очаге возникла особая археологическая общность – культура натуф (12,5 – 10,3 тыс. л.н.) [Bar-Yosef, 1983, 1998a; Belfer-Cohen, 1991, 1995; Byrd, 1989; Garrod, 1957; Garrod, Bafe, 1937; Henry, 1989; Perrot, 1966; Perrot, Ladiray, 1988; Valla, 1995]. Эта хорошо изученная культура привлекла огромное внимание как специалистов, так и широкой публики, что было

вызвано четырьмя основными причинами. Во-первых, на нескольких памятниках удалось обнаружить постройки с каменной обкладкой – древнейшие четко выраженные строения такого типа на Ближнем Востоке (в отличие от единичных более ранних незамкнутых линий, или “стен”, из камней). Во-вторых, на данной территории эти памятники являются древнейшими археологическими объектами, где было найдено много украшений и предметов “искусства”. В-третьих, натуфийские памятники очаговой зоны – наиболее ранние в ряду тех, на которых зафиксированы многочисленные хорошо сохранившиеся человеческие скелеты. Наконец, в-четвертых, будучи непосредственным предшественником неолитической культуры, натуф оказался в центре внимания исследователей, занимающихся начальными этапами оседлости и земледелия.

Древнейшая фаза неолита, именуемая на данной территории докерамическим неолитом А (далее – ДКНА) (10,3 – 9,3 тыс. л.н.), характеризуется малыми и крупными поселками, смешанным хозяйством, основанном на земледелии, охоте и собирательстве, и развитой социальной организацией как на уровне поселков, так и на уровне регионов (см.: [Bar-Yosef, 1989, 1991, 1998b; Life..., 2000]).

Структура памятников и особенности построек надежно прослеживаются для ДКНА и натуфа, но практически не выявляются в более ранних контекстах. Есть данные о верхнепалеолитических и ранних эппалеолитических памятниках с отдельными частично сохранившимися каменными стенами, но последние не образуют ясно выраженных замкнутых контуров. По этим сведениям трудно составить какое-либо представление о размерах, форме и функции построек, поскольку

в них обычно нет ни полов, ни связанных с ними внутренних структур. К числу примеров донатуфийских памятников с каменными выкладками или стенами относятся верхнепалеолитические пещеры Хайоним [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1981, p. 21 – 23] и Сефуним [Ronen, 1984], а также отдельные раннеэпипалеолитические стоянки открытого типа, в частности, Эй́н Гев I, где было найдено шесть хронологически последовательных слоев, относящихся, видимо, к частично сохранившейся хижине (рис. 1) [Bar-Yosef, 1978]. Хотя раскопанные донатуфийские памятники исчисляются десятками, количество сохранившихся построек (или хотя бы стен) на их территории крайне невелико, а их сохранность совершенно неудовлетворительна.

Интересно, что на синхронных донатуфийским памятниках в Восточной Европе и на Русской равнине картина иная. Там на нескольких поселениях изучены десятки хорошо сохранившихся жилищ из крупных костей мамонта (см.: [Pidoplichko, 1998; Soffer, 1985; From Kostenki..., 1993]). Вместе с тем в Западной Европе даже на хорошо сохранившихся памятниках, таких как Пенсеван [Leroi-Gourhan, Brezillon, 1966, 1972], обычно нет стен, которые окружали бы полы *in situ*. Во Франции, правда, известно несколько памятников с хорошо сохранившимися каменными вымостками, которые считают полами или фундаментами жилищ (напр., Гюяссу и Ле Серизье, см.: [Gaussen, 1980]). В нескольких случаях сохранились и гальки, ограничивающие прямоугольные площадки длиной 3 – 4 м. Это, судя по всему, также остатки жилищ [Gaussen, 1994]. Видимо, в ряде районов жилища были выстроены из недолговечных материалов и потому не сохранились.

На фоне скудости данных о донатуфийских постройках остатки, изученные на стоянке Охало II (см. рис. 1), служат редким примером хорошо сохранившихся жилищ из непрочных материалов. Задача настоящей статьи – показать, что нынешнее состояние знаний объясняется плохой сохранностью сооружений, а не отсутствием строительства в донатуфийскую эпоху. Помимо этого, новые находки, возраст которых, согласно радиоуглеродному анализу, 19,5 тыс. лет (калиброванная дата – ок. 23 тыс. л.н.), позволяют по-новому взглянуть на генезис планировки натуфийских стоянок. В самом деле, изучение преемственности и эволюции этой планировки на протяжении 10 тыс. лет теперь базируется на более представительном материале, относящемся к начальной фазе истории организации пространства стоянок. В статье рассматриваются новые детали жилищ в Охало II и прослеживается преемственность в развитии некоторых из них на поселениях последующей, натуфийской, стадии и в раннеэполитических поселках Южного Леванта (в особенности в долине р. Иордан). Поскольку на протяжении указанного отрезка времени резко изменился характер

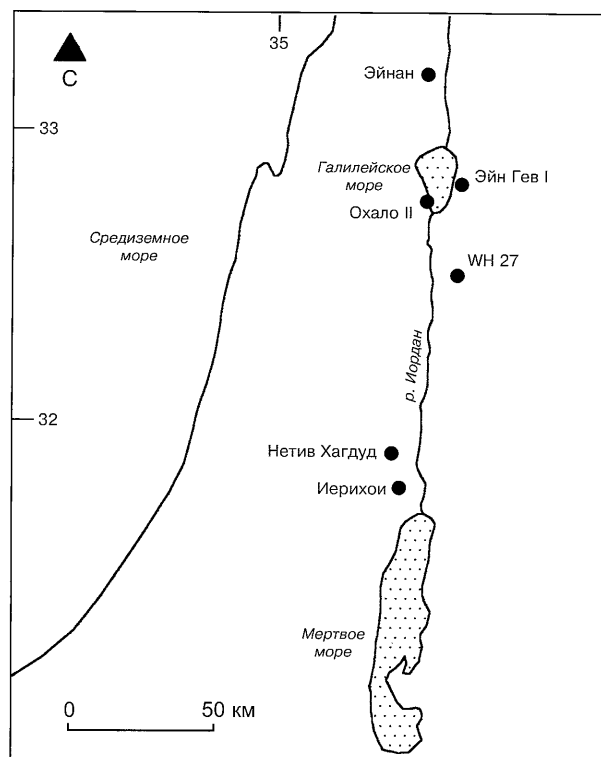

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников, относящихся к раннему эпипалеолиту (Охало II, Эй́н Гев), натуфийской культуре (Эйнан, Вади эль Хамме 27) и ДКНА (Иерихон, Нетив Хагдуд) в долине Иордана и содержащих остатки жилищ, обсуждаемых в тексте.

хозяйства, корреляция между процессами перехода от охоты и собирательства к земледелию, а также формирования структурированных оседлых сообществ, с одной стороны, и эволюцией (если таковая вообще происходила) жилищ как основной единицы застройки, с другой, поможет, как мы надеемся, представить повседневную организацию жизни поселков и социальную структуру локальных коллективов. Сравнительное исследование с основным упором на динамику характера застройки в натуфийскую и особенно неолитическую эпохи уже было проведено [Byrd, 2000]. Однако вопрос об изменениях, отличающих натуфийскую эпоху от донатуфийской, пока не получил достаточного освещения ввиду нехватки данных по эпохе, предшествующей натуфу. Этот вопрос и будет рассмотрен в настоящей работе.

Постройки Охало II

Памятник

Памятник Охало II, некогда затопленный, находится в тектонической впадине Мертвого моря на берегу нынешнего Тивериадского озера, располагаясь *in situ* на лисанских мергелях, покрытых водами, на

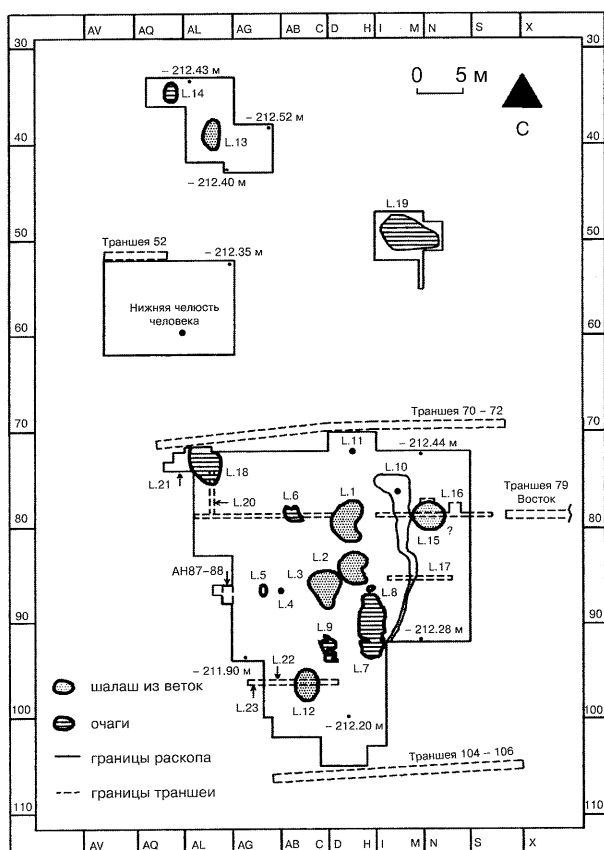

Рис. 2. План поселения Охало II (центральный раскоп).

отметке 212 – 213 м ниже ур. м. [Belitzky, Nadel, in press; Ohalo II, 2002]. Стоянка занимает площадь более 2 тыс. м². Раскопаны шесть хижин из веток, шесть скоплений очагов, погребение человека, яма, каменное сооружение, а также мусорные кучи (рис. 2) [Nadel, 1996; Nadel, Hershkovitz, 1991; Nadel et al., 1994]. Органические остатки прекрасно сохранились благодаря длительному пребыванию под водой без доступа воздуха. В частности, сохранились основания стен из веток [Nadel, Werker, 1999], обугленное дерево и множество обугленных семян и плодов [Kislev, Nadel, Carmi, 1992]. На полу и вокруг большинства очагов найдены многочисленные кремневые изделия, кости животных и остатки растений. В ряде случаев их расположение, видимо, соответствует первоначальному. По многочисленным образцам угля определены 33 радиоуглеродные даты – в среднем ок. 19,5 тыс. л.н. [Nadel, Carmi, Segal, 1995; Nadel et al., 2001; Nadel et al., in press].

Постройки

Остатки хижин из ветвей – древнейшие в мире среди известных находок такого рода [Nadel, Werker, 1999]. К настоящему времени полностью раскопа-

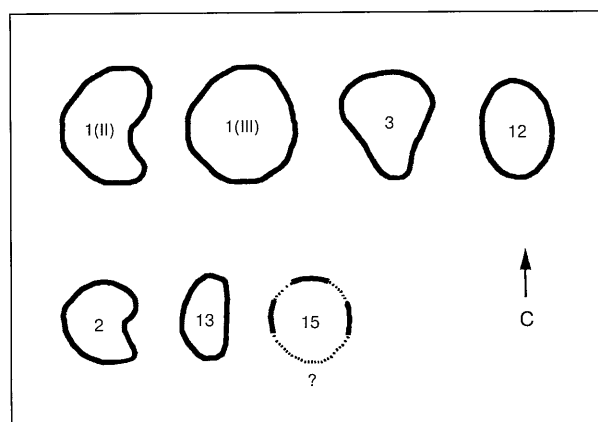

Рис. 3. Детальные планы шести построек в Охало II.

ны остатки хижин 1 – 3 и 13 (рис. 3). Все отложения на участках, ограниченных стенами, – на полах и над ними – были извлечены и промыты. Изучено множество предметов материальной культуры. Разрезы отложений полов и под ними свидетельствуют, что под полами никаких археологических отложений не имеется (мощность некоторых разрезов 0,8 м). Кроме того, более чем наполовину раскопана хижина 12, хижина 15 была изучена с помощью разведочного шурфа (в центре и у северного края).

В пяти случаях зафиксирован полный контур хижин – прослежены темные линии, образованные сгоревшим деревом и другими растительными остатками, а также очерчены границы внутреннего темного слоя, который всегда отличался от естественных глин и песка. Помимо этого, по разрезам полов и по аналогии с другими хижинами произведена предварительная реконструкция формы и размеров хижины 15. Все хижины более или менее овальные в плане, причем длинная ось пяти из них, сохранившихся лучше других, проходит по линии север – юг. В двух хижинах (1 (пол II) и 2) вход явно располагался в центре восточной (длинной) стены.

Длина наиболее крупных хижин (1, 3 и 12) 4–4,5 м, а хижин 2 и 13 – 2,5 – 3 м. Площадь пола хижины 1 (пол III) – 13 м², 1 (пол II) – 11 м², 2 – 7 м², 3 – 10 м², 12 – 8,5 м², 13 – 5 м². Две самые крупные хижины (1 и 3) более или менее сходны и вдвое крупнее хижины 13. Статистически эта выборка невелика, но она позволяет получить представление об изменчивости размеров, что предпочтительнее, чем просто делить хижины на “маленькие” и “большие”.

Все полы в хижинах чашевидные в разрезе, они всегда ниже окружающей поверхности (рис. 4, 5). Это достигалось путем выкапывания мелкого овального углубления в мягком грунте (глубина впадины в центре составляла 20 – 30 см). После этого углубление окружали стенами из толстых ветвей местных

Рис. 4. Хижина 1 в процессе раскопок пола II, вид с запада.

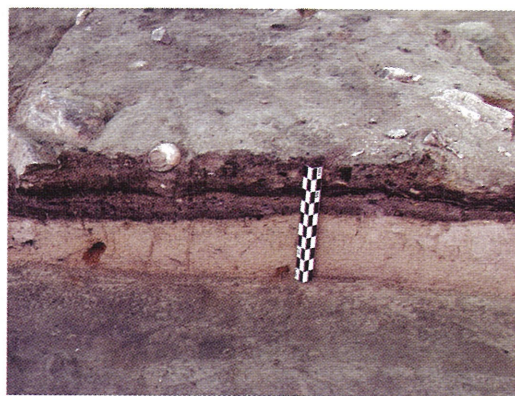

Рис. 5. Разрез нижнего уровня пола хижины 2.

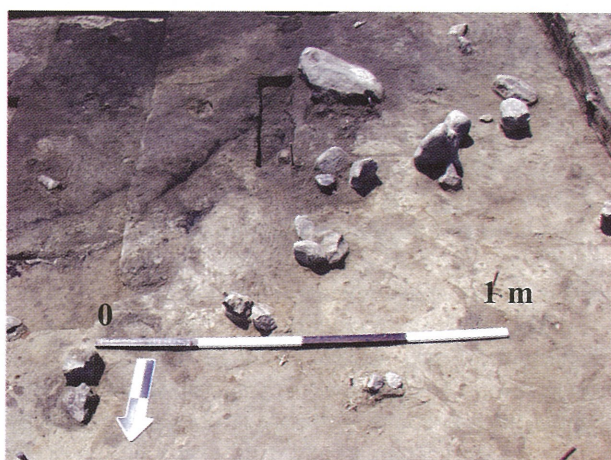

Рис. 6. Камни у наружной части северо-западной стены хижины 12. Темный материал представляет собой нижнюю часть пола с вкопанным в него крупным плоским камнем (в верхней части снимка). Группы по два-три камня вкопаны (многие вертикально) в суглинок у наружной части хижины.

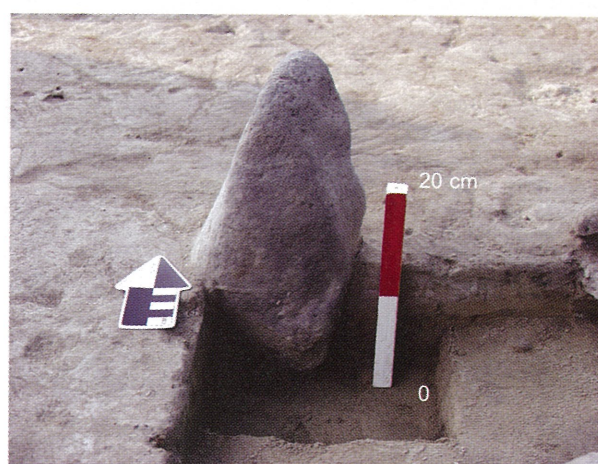

Рис. 7. Продолговатый камень, вертикально вкопанный в суглинок у наружной части хижины 12.

деревьев – тamarиска (*Tamarix*), ивы (*Salix*) и дуба (*Quercus*), которые образовывали остов постройки. Поверх клали более мелкие ветки с листьями и траву (также местных видов). Ямы от столбов не выявлены ни внутри хижин, ни вокруг них. Простая строительная технология не требовала тяжелых бревен для опорки сооружения в центре, причем хижины можно было строить в любое время года.

В хижинах не обнаружено ни каменной выкладки, ни следов сплошной каменной облицовки стен. Следует подчеркнуть, что это относится ко всем хижинам, независимо от их размера и толщины пола. Впрочем, хижина 12 отличалась от прочих по характеру использования камня. Во всех ее частях, где был прослежен нижний уровень пола, под ним обнаружены отдельные камни. Они находились на расстоянии 20 – 40 см друг от друга и не образовывали ни сплошной вымостки,

ни непрерывной линии. Возможно, эти камни были преднамеренно помещены между скальным основанием и вышележащим полом. Это предположение основано на двух наблюдениях. Во-первых, озерные материковые отложения не содержат камней, насколько можно судить по раскопам, разрезам и глубоким строительным траншеям общей длиной более 100 м. Во-вторых, некоторые камни стояли на ребре. Кроме того, гальки и более крупные камни размерами, как правило, 10 – 20 см, вдоль северо-западного края хижины образовывали дугу неправильной формы (рис. 6). В ней группы из двух-трех галек и камней (большинство из них – куски базальта) находились на расстоянии 20 – 50 см. Многие куски породы стояли вертикально (рис. 7). Интересно, что сломанные каменные орудия также были включены в эту линию. Темные отложения на полу не доходят до уровня камней (исключе-

а

б

в

Рис. 8. Плоский кусок базальта на полу II хижины 1 (а); камень на полу хижины 12 (б), его плоская нижняя часть (в).

ние составляет одна группа). Следовательно, камни были специально размещены по внешнему периметру хижины, возможно, чтобы укрепить толстые диагональные шесты, образующие остов постройки. Поскольку вблизи данной линии не обнару-

жено изолированных камней того же размера, можно полагать, что это была не каменная стена с выпавшими из нее отдельными камнями, а скорее внешняя подпорка.

Толщина культурного слоя в центре каждой хижины составляла, как правило, 10 – 20 см, ближе к стенам она уменьшалась. Слой всегда темный (черный, коричневый или серый), насыщен углем и органическими остатками. В некоторых местах отмечены линзы более светлых песков или золы (подробности о залегании и материалы детальных стратиграфических колонок см.: [Tsatskin, 2002; Nadel et al., in press]). На всех разрезах нижняя часть археологического слоя четко контрастировала с более светлыми подстилающими мергелями, глинами и песками.

Заполнение пяти хижин не содержало заметных слоев, которые тянулись бы от одного края к другому, хотя имелись локальные линзы и включения. Это позволило заключить, что скопление осколков кремня соответствует одному полу. Однако в хижине 1 ситуация была иной. Здесь оказалось возможным различить три хронологически последовательных уровня пола. Верхний (I) лишь частично сохранился в южной половине хижины. Средний (II) хорошо сохранился и был полностью изучен в 1991 г. Он был отделен от верхнего и нижнего уровней слоями ила и песка, имеющими в большинстве мест толщину 3 – 5 см. Этот уровень характеризовался высокой концентрацией находок, среди которых были горизонтально залегающие кремневые орудия, кости и стержень рога газели. Кроме того, на нем находился плоский кусок базальта. Он лежал на линзе желтого песка, специально принесенного в хижину; ни в одном другом месте песка на полах не было (рис. 8, а). Камень подпирали маленькие гальки, воткнутые в песок. В распределении кремневых орудий и позвонков рыб на данном уровне обнаруживаются четкие закономерности. Нижний уровень пола (III) был выявлен в 2000 г. По площади он оказался больше среднего. Концентрация кремневых изделий, костей и обугленных органических остатков здесь также высокая (их распределение пока не изучено), причем вблизи северо-восточного края выявлено необычное расположение маленьких камешков. Пол III почти круглый в плане (пол II имел овальные очертания); в его восточной части отчетливо прослеживается вход. Таким образом, материалы, касающиеся неглубокой впадины, отражают три последовательных этапа заселения. Возможно, на протяжении первого этапа вблизи входа скапливались отходы производства. Затем был сооружен второй пол, меньшего размера, после чего скопление отходов оказалось за его пределами. Эта последовательность полов существенна для понимания процессов функционирования памятников, их повторного заселения и продолжительности пребывания людей в одном месте.

Внутренние сооружения

Сооружения внутри хижин редки. Ни в одной из них не обнаружено ни каменных обкладок очагов, ни четких очагов. Повсюду отмечены пятна золы и угля, поскольку хижины сгорели. Однако в нижнем уровне пола хижины 1 выявлено белое зольное пятно диаметром около 1 м. Поскольку полы хижин и внешние очаги хорошо сохранились, можно заключить, что внутренние очаги на этой стоянке были очень редки.

В некоторых местах найдены крупные камни. Три таких камня размерами 25 – 35 см были поставлены вертикально внутри хижины 2 и обнаружены *in situ* при раскопках (рис. 9). Два из них стояли внутри хижины, причем не вдоль стены. Один похожий камень был найден непосредственно у северо-восточного угла хижины 3, снаружи (рис. 10), а другой – на таком же месте хижины 12. Оба были вкопаны в землю с наклоном от хижины.

Хижина 1 была необычной – на полу II находились два крупных базальтовых камня. Один из них, длиной 40 см, мог служить наковальней или рабочим столом, хотя вблизи него отсутствовали скопления кремневых изделий или костей. Другой камень, крупный и угловатый, около 50 см в длину, был найден в том месте, где стена, окружавшая хижину, прерывалась (см. рис. 4). Похоже, здесь располагался вход, а камень мог служить подпоркой дверной рамы. Плоский кусок базальта длиной 40 см обнаружен в хижине 12 (см. рис. 6, 8, б, в). По размерам и уплощенности он напоминает “наковальню” из хижины 1. Однако этот камень стоял наклонно на самом краю чашевидного пола, его нижняя часть гораздо более правильна по форме и более уплощена, чем верхняя. Оба плоских камня находились в северной части хижин.

Последнее наблюдение касается небольших камней, стоявших вертикально под некоторыми полами. Больше всего (шесть) их найдено в хижине 3 (рис. 11, а), хотя некоторые обнаружены в других местах, в частности, два встречены под полом III хижины 1 (рис. 11, б). Все камни в высоту достигали 6 – 20 см и были, как правило, базальтовыми. Они стояли вертикально под полом и либо были скрыты целиком, либо над полом выступала только верхушка. Малый размер и место расположения не позволяют понять их функцию. Возможны две предварительные гипотезы. Первая: камни служили подпорками для небольших деревянных сооружений, стоявших на полу (от них ничего не осталось). Вторая гипотеза связана со сферой символического поведения: камни могли иметь социальную функцию, в частности, служить знаками собственности. Это предположение помогает понять причину их особой закладки под полом либо вкапывания в него. Интересно, что один плоский кусок базальта был установлен в вертикальном поло-

жении вблизи круга из камней, примыкающего к единственному на данной стоянке человеческому погребению. И в этом случае камень, будучи частью могильного комплекса, мог иметь символическое значение [Nadel, 1994, in press].

Деятельность людей в помещениях

Находки с территории стоянки либо непосредственно отражают некоторые домашние занятия ее обитателей, либо косвенно указывают на то, что люди были знакомы с другими видами деятельности. Обнаруженные во всех хижинах комплексы кремневых изделий свидетельствуют об обработке кремня. На всех полах были зафиксированы нуклеусы, первичные элементы, элементы подправки нуклеусов, пластинки и чешуйки [Nadel, 1999, 2001a]. Таким образом, все хижины были местами первичной обработки нуклеусов. Судя по обилию пластинок и ретушированных изделий, внутри помещений обрабатывался кремь, здесь же хранились или использовались ретушированные изделия. В нескольких случаях на полах найдены кучи или запасы кремня. Зафиксировано также несколько фрагментов одного изделия. Интересно, что на некоторых из них имеются трещинки, вызванные действием огня. Видимо, лежавшие на полу кремневые изделия потрескались, когда хижины горели. В общем можно сказать, что жилища были местами обработки кремня. Для более поздних народов, судя по этнографическим материалам, это довольно нетипично.

Скопление кремневых нуклеусов и продуктов первичного расщепления в хижине 1 (пол II) свидетельствует о том, что кремь обрабатывали у входа, возможно, этим занимались два-три человека [Nadel, 2001a]. Кости на этом полу распределялись не так, как камни. Особенно интересны позвонки рыб, образующие четкие кучки [Nadel et al., 1994]. Предполагается, что рыбу в хижинах хранили в каких-то корзинах, которые, скорее всего, висели на стенах. Во время пожара все, включая рыбу, упало на пол. Кусочки шнура, найденные на том же полу, подтверждают такую догадку.

На всех полах были отмечены многочисленные кости млекопитающих. Особенно часто встречались кости газели, реж – лани, еще реже – лис и зайцев [Rabinovich, 1998]. Вероятно, мясо потребляли и, возможно, хранили тут же. Кости птиц более 60 видов свидетельствуют, быть может, не только о потреблении мяса, но и об использовании перьев [Simmons, Nadel, 1998; Simmons, 2002]. На стоянке, например в хижине 1, обнаружены останки маленьких грызунов [Belmaker, Nadel, Tchernov, 2001].

Найдены два фрагмента каменных чаш. Один был обнаружен на полу хижины 3, другой – на полу хижины 13. Оба лежали внутренней стороной вниз, причем никаких иных аналогичных фрагментов на этих

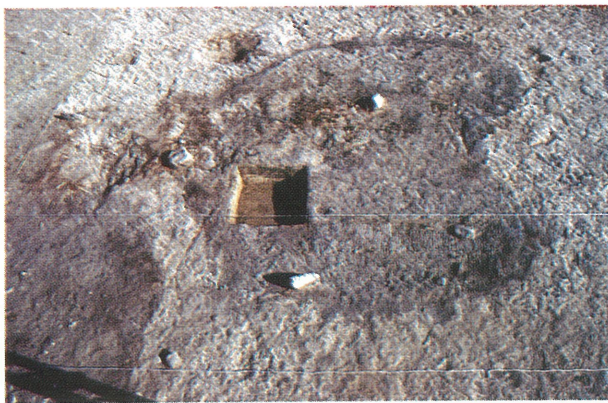

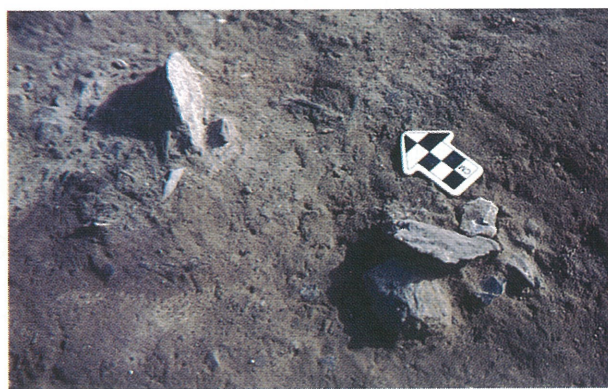
Рис. 9. Хижина 2 до раскопок, вид с юга.

Рис. 10. Крупный камень, вертикально вкопанный в суглинок у хижины 3.

а

б

Рис. 11. Камни, вертикально вкопанные в суглинок под полом хижины 3 (а); два маленьких камня, вертикально возвышающиеся над нижним уровнем пола III хижины 1 (б).

а

б

Рис. 12. Часть пола хижины 13 с фрагментом чаши, лежащей у известняковой гальки (а), фрагмент чаши после расчистки (б).

полах встречено не было (рис. 12). Внутренняя сторона каждого фрагмента покрыта плотно расположенными нарезками. Возможно, эти предметы имели символическую функцию и их специально клали на пол или под него (см.: [Nadel, in press]).

Все полы на стоянке Охало II свидетельствуют о непрерывном накоплении мусора внутри построек. Находки разнородны по размерам – кремневые изделия, кости животных и каменные (в основном базальтовые) орудия представлены как мелкими, так и круп-

ными экземплярами. Некоторые, обнаруженные *in situ*, образуют скопления или кучи; в распределении остальных просматриваются закономерности, иногда фрагменты одного изделия обнаруживаются в непосредственной близости друг от друга. Можно заключить, что, во-первых, остатки непрерывно накапливались в течение относительно длительного периода, во-вторых, в каждой хижине люди занимались различными видами деятельности, в-третьих, полы если и подметали, то нечасто, и наконец, в-четвертых, когда стоянку покидали, многие предметы оставались на своих местах. Дополнительные сведения о занятиях обитателей стоянки и о периодах ее запустения можно будет получить по завершении палеоботанических исследований.

Следует подчеркнуть, что интеграция результатов ботанических [Kislev, Nadel, Carmi, 1992; Kislev, Simchoni, Weiss, 2002]*, териологических [Lieberman, 1993; Rabinovich, 2002] и орнитологических исследований [Simmons, Nadel, 1998; Simmons, 2002], а также полевых и лабораторных наблюдений приводит к однозначному выводу о том, что стоянка в целом и некоторые хижины в особенности использовались круглый год.

Натуфийские постройки

О натуфийской архитектуре имеется много данных. Поскольку доступны и отчеты о раскопках поселений, и многочисленные сводные исследования (см., напр.: [Byrd, 2000; Goring-Morris, 1996]), в настоящей статье будет дана лишь краткая сводка, причем с акцентом на отдельные аспекты. Некоторые уникальные постройки мы не будем упоминать, т.к. они не относятся к числу типичных. Например, постройка 1 в Эйнане сложнее других и отличается тем, что при ее сооружении использовались большие плоские камни для вымостки и известковый раствор для обмазки стен, кроме того, под ее полами обнаружены погребения. Эта необычное и сложное сочетание позволило Дж. Перро предложить несколько интерпретаций [Perrot, 1966; Perrot, Ladiray, 1988].

Основания стен натуфийских построек сделаны из нештукатуренного камня. Каменные стены обычно хорошей сохранности, они позволяют представить размеры и форму построек. По форме постройки делятся на три типа: овальные, круглые и U-образные (в виде незамкнутого овала или незамкнутого круга). В Эйнане представлены все три типа, причем строение 131 U-образной формы было интерпретировано

как хижина с широким входом [Valla, 1988, 1991]. Мало вероятно, что данное и другие постройки изначально имели овальную форму, а впоследствии стены были частично разрушены или же в процессе продолжающегося строительства некоторые камни использовались повторно, вследствие чего нарушилась целостность отдельных стен.

Размеры натуфийских построек варьировали в широких пределах. Особенно сильны различия между разновременными постройками. Крупные постройки с полезной площадью пола 20 м² более характерны для ранненатуфийских памятников (Эйнан, Вади эль Хамме 27, эль Вад В2). Их нет в эпоху позднего натуфа, для которой характерны постройки площадью 5 – 10 м² (о поздней фазе натуфа на поселении Эйнан см.: [Valla, Khalaily, Samuelian et al., 2001; Goring-Morris, 1996, fig. 3]). Постройки в пещере Хайоним служат ярким примером маленьких строений. Они могли использоваться для разных целей, в частности, как мастерские или кладовые; мало вероятно, что это были жилища [Bar-Yosef, Goren, 1973; Belfer-Cohen, 1988].

Одна из наиболее типичных черт натуфийских построек состоит в том, что уровень пола в них всегда ниже уровня окружающей дневной поверхности. В строениях часто встречаются внутренние сооружения, например, каменные очаги. В Эйнане в большинстве раскопанных строений имелся очаг, полностью или частично обложенный камнями [Perrot, 1966; Valla, Lechevallier, 1989; Valla, Khalaily, Samuelian et al., 2001]. В Вади эль Хамме 27 внутри жилищ обнаружены крупные прямоугольные каменные сооружения. Некоторые из них напоминали скамьи [Edwards, 1991].

Повторное использование построек, свидетельством чего является напластование хронологически последовательных полов, отмечено в нескольких хижинах на разных памятниках, в частности, в хижине 131 в Эйнане [Perrot, Ladiray 1988; Valla, 1988] и в постройках Вади эль Хамме [Edwards, 1989, 1991].

О том, чем занимались люди в постройках, можно судить по фаунистическим остаткам и кремневым изделиям. Кости животных – частая находка внутри помещений, видимо, свидетельствуют о приготовлении пищи на внутренних очагах; не исключено также, что тут же хранилось мясо, по крайней мере часть запасов. Среди многочисленных кремневых изделий представлены все категории отходов и все типы орудий. Исходя из этого, можно предположить, что обработка кремня происходила в хижинах, где пол подметали редко. Обнаружены также шлифованные изделия из камня, в частности, базальта. Под двумя полами хижины 131 в Эйнане встречены запасы галек и каменных орудий [Dollfus, 1985; Valla, 1988].

* См. также: **Simchoni O.** Reconstruction of the Landscape and Human Economy 19,000 BP in the Upper Jordan Valley by the Botanical Remains Found at Ohalo II. – Ramat Gan: Bar-Ilan University, 1997. – (Unpublished Ph.D. Thesis).

Мощность культурных напластований в пределах каменных стен иногда достигает 50 – 60 см. В большинстве случаев в заполнениях отсутствуют четко разграниченные хронологические слои. Это означает, что остатки накапливались достаточно долго, причем новые полы в это время не сооружали, а мусор вообще не убирали ни в углах, ни снаружи. Очевидно, такие скопления могли сохраниться *in situ* только благодаря тому, что углубленный пол и окружающие каменные стены препятствовали смыву материала в результате естественных процессов.

Иногда натуфийцы создавали свои сооружения непосредственно или почти непосредственно на остатках предшествующих построек [Edwards, 1989]. Это может свидетельствовать о преемственности во владении земельными участками на стоянке или же о нехватке земли на поселении, вследствие чего, в силу неких ограничений, связанных с социальной организацией или местной политикой, люди вынуждены были вновь и вновь строить дома на одних и тех же местах (впрочем, это предположение трудно подтвердить или опровергнуть на основании археологических данных).

Непрерывное строительство на крупных натуфийских поселениях непосредственно воздействовало на ландшафт. Никогда прежде люди из года в год не приносили на стоянки столько строительного материала, притом разнообразного, в основном камня, а также глины и дерева. В результате образовывался настоящий телль. И хотя на большинстве натуфийских стоянок открытого типа мощность культурных напластований колеблется в пределах 0,5 – 1 м, в результате непрекращающегося строительства на месте поселения возник холм, который на протяжении тысячелетий является элементом ландшафта.

Постройки эпохи ДКНА

Первые свидетельства фазы ДКНА *in situ* на территории Южного Леванта получены на памятниках Иерихон и Нахал Орен еще в 50-х гг. XX в., но только многотомная публикация материалов раскопок Иерихона позволила получить представление о древнейших крупных поселках в этой части Средиземноморья [Excavations..., 1981, 1982, 1983].

Два самых крупных памятника – Иерихон и Нетив Хагдуд – находятся на расстоянии 12 км друг от друга в нижней части долины Иордана. Они были раскопаны разными способами. В Иерихоне отложения ДКНА удалось выявить лишь в нижней части глубоких и узких траншей, ибо только так можно было пробраться сквозь мощные напластования, связанные с более поздними эпохами. В телле Нетив Хагдуд таких напластований не было и выявить слои, относящийся к неолитическому поселку, на почти сплошном участке пло-

щадью более 600 м² не представлялось возможным [An Early Neolithic Village..., 1997]. К менее крупным памятникам или же к памятникам, изученным с помощью раскопов меньшей площади, которые позволили, однако, выявить архитектурные сооружения, относятся Айн Дарат [Gopher, 1996], Дра [Kuijt, Mahasneh, 1998], Гешер [Garfinkel, 1990], Гилгал [Noy, 1989; Noy, Schuldenrein, Tchernov, 1980], Хатула [Ze Grisement..., 1994], Ирак-эд-Дубб [Kuijt, Mabry, Palumbo, 1991], Нахал Орен [Stekelis, Yizraeli, 1963; Noy, Legge, Higgs, 1973] и памятник WF16 [Finlayson et al., 2000].

Все постройки круглые или овальные в плане; впрочем, в конце эпохи ДКНА появляются подпрямоугольные дома (Иерихон). Обычным строительным материалом был камень, хотя на некоторых памятниках зафиксированы следы широкого использования и сырцовых кирпичей плоско-выпуклой формы. Из камней сооружали, вероятно, в основном фундаменты или нижние части стен, поскольку ни целых каменных стен, ни куч камней, которые могли бы остаться после разрушения стен, не обнаружено. Верхние части стен и крышу делали, видимо, из недолговечных материалов. Полы углубляли в землю на одну-две ступеньки.

Внутренняя площадь построек существенно варьирует даже в пределах памятников. Так, площадь большинства овальных построек в Нетив Хагдуд 25 м², но постройки 40 – около 35 м². Круглые сооружения, примыкающие к овальным, значительно меньше последних – 5 – 7 м², хотя некоторые достигают 10 – 12 м². Аналогичный разброс размеров отмечен и на других памятниках.

Внутренние перегородки в постройках редки. Они встречаются в постройке 8 в Нетив Хагдуд [An Early Neolithic Village..., 1997, fig. 3.19] и, возможно, в строении MJ-MH на раскопе М в Иерихоне [Excavations..., 1981, Pl. 277 – 278]. Интересно, что первая из этих построек отличается от прочих строений, выявленных на этом памятнике, по ориентировке, количеству чашевидных углублений на массивных известняковых плитах, вкопанных в пол, концентрации грубых каменных орудий, а также количеству изделий из обсидиана [An Early Neolithic Village..., 1997; Nadel, 1997].

К внутренним объектам относятся редкие очаги и кучи камней, потрескавшихся от огня. Кое-где обнаружены запасы орудий. Известняковые плиты с чашевидными углублениями встречаются довольно часто. Обычно они вкопаны в пол таким образом, что верхняя поверхность камня находится на уровне пола. Дополнительную информацию о деятельности людей внутри помещений дают многочисленные отходы кремневого производства, кости и прочий мусор. По количеству и характеру находок в большинстве построек можно составить представление о домашних занятиях обитателей поселка.

Мощность культурных отложений внутри построек зависит от высоты сохранившихся стен. Во многих случаях толщина культурного слоя превышает 50 см. На большинстве памятников трудно зафиксировать уровни полов внутри заполнений, но в Иерихоне на ряде разрезов выявлено несколько хронологически последовательных полов и построек.

Обсуждение

Эволюция неолитической архитектуры на территории Южного Леванта (как и Ближнего Востока в целом) и ее интерпретация с точки зрения структуры общества – темы, которые затрагивались в трудах ряда исследователей (см., напр.: [Aurenche, 1981; Banning, Byrd, 1989; Byrd, 1994; Flannery, 1972; Rollefson, 1997]). Сравнительный анализ с учетом материалов более ранних культур, в частности, натуфийской, был предпринят Б. Бэрдом [Byrd, 2000]. Теперь его можно дополнить анализом новых материалов из Охало II.

В своих рассуждениях мы, как и авторы всех указанных работ, исходим из допущения, что в большинстве архитектурные остатки характеризуют жилища и пристройки к ним (мастерские, склады). Это предположение основано на данных о размере, форме и количестве построек, расстоянии между ними, а также характере археологического материала, обнаруженного внутри строений. Уникальные постройки могли иметь политическую или церемониальную функцию. Примерами могут служить строения 1 в Эйнане, 8 в Нетив Хагдуде, а также башня с прилегающим к ней комплексом в Иерихоне (о последних см.: [Bar-Yosef, 1986; Excavations..., 1981; Ronen, Adler, 2001]).

Одна из главных особенностей, которые характеризуют переход от раннего эппалеолита, представленного памятниками типа Охало II, к раннему неолиту (ДКНА), – многочисленные параллели в характере жилищ. Во-первых, постройки на всех памятниках имеют круглую или овальную форму. Исключения представляют лишь U-образные натуфийские строения, хотя и их можно рассматривать как вариант овальных построек с большим входом в узкой части. Во-вторых, все строения изолированы, т.е. не имеют общих стен и не соединены крытыми переходами. В-третьих, во всех надежно документированных случаях уровень пола был на 20 – 50 см ниже уровня окружающей дневной поверхности, следовательно, на первом этапе строительства выкапывался неглубокий котлован, который по размерам и форме соответствовал будущему сооружению. В-четвертых, стены и крышу всегда делали из дерева и прочих недолговечных материалов. Камень использовали широко начиная с натуфийской эпохи

(обычно для сооружения оснований стен), но лишь изредка в более ранний период (едва ли он был обычным строительным материалом).

Существенно, что базовой единицей застройки было однокомнатное сооружение с одним входом. Если не считать редких исключений, относящихся к эпохе ДКНА, внутреннее пространство построек не разделялось перегородками. Как было отмечено, это весьма важно для реконструкции социальной организации. Многочисленные этнографические примеры и исследования позволяют создать модель, основанную на прямой корреляции между социальной структурой и сложностью архитектурных сооружений [Banning, Byrd, 1989; Byrd, 1994, 2000; Kent, 1993; Kramer, 1979, 1982; Watson, 1979]. Показателем степени сложности может служить, с одной стороны, количество комнат, с другой – вход в жилище или переход между внешним пространством, открытым для всех, и внутренними помещениями. Действительно, во всех надежно документированных хижинах имеются единое внутреннее пространство и непосредственно соединяющий его с наружным пространством вход. Если модель верна и базовая единица застройки действительно отражает социальную структуру, то можно заключить, что основная единица социальной структуры оставалась практически неизменной от времени функционирования стоянки Охало II до конца ДКНА.

Особый интерес представляют полы жилищ. Проблема связи между величиной жилищ и размерами групп подробно рассмотрена в ряде исследований (см., напр.: [Byrd, 2000; Naroll, 1962; Van Beek, 1982; Watson, 1979]), и мы здесь не будем ее касаться. Необходимо подчеркнуть преемственность размеров жилищ в долине Иордана от Охало II до ДКНА. В Охало II, Эйнане (ранний и поздний натуф) и в Нетив Хагдуде есть жилища размерами 8 – 12 м², видимо, рассчитанные на одну нуклеарную семью. Правда, на всех памятниках имеются и малые, и крупные постройки. Последние, в частности, относятся к ранненатуфийской стадии, когда техника строительства была выше, чем в какую-либо из более ранних эпох. Такие строения, возможно, свидетельствуют об укрупнении групп в начале натуфа. Не исключено также, что по крайней мере некоторые крупные постройки служили центрами общественной жизни на поселениях (см.: [Goring-Morris, 1996]). В Нетив Хагдуде большинство построек круглой формы, как правило, площадью около 8 – 12 м². Там же отмечены более крупные овальные постройки, причем по крайней мере одна из трех таких построек (8) четко отличается от всех прочих раскопанных строений; она рассматривается в качестве общественного здания. Итак, хотя на некоторых памятниках и в отдельных слоях, относящихся к натуфийской эпохе и ДКНА,

имеются крупные постройки, гораздо более типичны хижины размерами 8 – 12 м², содержащие обычный домашний мусор. В засушливых районах Южного Леванта, например, на харибийских памятниках, синхронных заключительной фазе натуфа, постройки меньше по размерам [Goring-Morris, 1987].

Очаги были центрами некоторых видов деятельности. Здесь готовили и потребляли пищу, изготавливали и использовали орудия и т.д. В Охало II большинство очагов расположено между хижинами, в открытом общественном пространстве. Поэтому можно предположить, что многие занятия имели общественный характер, причем широко практиковался межсемейный дележ пищи. Натуфийские очаги с каменной обкладкой находятся обычно внутри помещений. Такое изменение может свидетельствовать об усилении роли домашних (семейных) занятий и, соответственно, о сокращении времени, отводимого на деятельность во внешнем (общественном) пространстве. Натуфийцы либо вовсе перестали делиться пищей у наружных очагов, либо стали уделять этому меньше времени. Такой сдвиг не кажется удивительным, ибо общеизвестно, что натуфийские поселения крупнее и более долговременны, чем поселения любой из предшествовавших эпох, а следовательно, отражают новый характер социальной организации. Помимо этого, усложнение погребального обряда, появление многочисленных и разнообразных предметов “искусства” также свидетельствуют об изменении социальной организации (см.: [Bar-Yosef, 1998a; Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1989, 1992, 1999; Belfer-Cohen, 1991; Byrd, Monahan, 1995], обращаем внимание на аргументы, изложенные в работах: [Belfer-Cohen, 1995; Boyd, 2001]).

Другим проявлением отчетливой преемственности являются напластования полов на ранних эппалеолитических (Охало II, Эйв Гев I) и на более поздних памятниках. Натуфийцы иногда сооружали жилища непосредственно поверх предшествующих построек, как это делали и представители раннеолитической культуры, по крайней мере, в Иерихоне. Эта непрерывность, проявляющаяся в структуре построек (напластование полов) и характере использования территории (строительство новых жилищ поверх прежних), отражает систему, в основе которой лежит привязанность людей к своему дому и к месту, которое этот дом занимал на стоянке или в поселке. Следовательно, памятники существовали на протяжении длительного времени, что, вероятно, свидетельствует об оседлом образе жизни натуфийцев и людей более поздних эпох. На это же указывают и другие факты [Edwards, 1989].

Привязанность людей к дому и к месту отражается в находках из заполнения жилищ. Так, в жилищах, относящихся к ранней поре эппалеолита, отмечаются запасы или кучки изделий, по-видимому,

заранее отобранных, необычные скопления орудий, а также камни, вертикально вкопанные в пол без видимой цели [Nadel, in press]. Последние можно предварительно считать свидетельствами символического поведения людей в социальном контексте стоянки или поселка. Поскольку такие предметы довольно редки и не всегда сохраняются, то вероятность их обнаружения возрастает с увеличением площади раскопок.

На полах и в заполнениях построек всего рассматриваемого периода часто встречались кости животных и кремневые орудия. Этот материал отражает домашнюю деятельность людей. Ее характер, как видно, оставался неизменным. Впрочем, концентрация находок на памятниках разных эпох не была одинаковой, на что уже обращалось внимание [Bar-Yosef, 1983; Nadel, 2001b]. Так, концентрация кремневых орудий снижается от многих сотен (в ряде случаев до 2 тыс.) на 1 м³ на эппалеолитических памятниках до нескольких десятков на поселениях ДКНА. Конечно, одной из главных причин такого сокращения является быстрый рост культурного слоя в более поздних поселках. Если же учесть концентрацию орудий определенных типов, в частности резцов, на полах (это позволяет исключить фактор роста телля в целом и напластований внутри заброшенных построек), то различия между Охало II и Нетив Хагдудом оказываются малы [Nadel, 2001b]. Одно из возможных объяснений состоит в том, что число обитателей жилища в пересчете на единицу времени было сходным в обоих случаях.

Архитектурные остатки на территории Леванта (особенно в долине Иордана) демонстрируют отчетливую преемственность во многих аспектах использования внутреннего пространства жилищ и в характере деятельности людей внутри жилищ. На протяжении примерно 10 тыс. лет (от Охало II до Нетив Хагдуда и Иерихона) здесь происходили радикальные изменения в экономике и технологии. Социальная организация также трансформировалась, однако, если судить по элементарной единице застройки, площадь, занимаемая нуклеарной семьей, едва ли изменилась. Это, разумеется, не значит, что появление внутренних каменных очагов в натуфийских жилищах, равно как и применение новых технологий и строительных материалов, не имело значения. Тем не менее, заметных диахронных изменений не наблюдается ни в размерах построек, ни в сложности их планировки, ни даже в их форме. Налицо общая преемственность по целому ряду показателей.

Обсуждавшийся выше социальный аспект эволюции архитектуры от ранней фазы эппалеолита до раннего неолита позволяет сделать и другой вывод. Невозможно сомневаться в том, что за это время изменились общая структура общества, характер использования территории поселков (в частности,

их размер, плотность застройки, концентрация материальных остатков резко возросли в связи с усилением плотности населения внутри поселков и увеличением времени их функционирования). А если так, то практическая неизменность большинства аспектов элементарной единицы застройки означает, что использование архитектурных показателей в качестве однозначных индикаторов общей социальной структуры не всегда оправдано. Сходство некоторых деталей на фоне изменений социальной организации свидетельствует о том, что эти изменения не сказались на архитектурных коррелятах элементарных единиц социальной структуры. Сходство, отмеченное в данной работе, могло быть вызвано, например, адаптацией к среде обитания. Жители долины Иордана в течение тысячелетий, на которые приходится рассматриваемые периоды, жили в относительно похожих средовых условиях, охотились на одних и тех же животных, собирали одни и те же растения. Возможно, по этой причине изменение социальной системы отразилось на количестве базовых единиц застройки и их концентрации, а соответственно, и на расположении домашних очагов, но не затронуло многих структурных элементов самой этой единицы. Кроме того, на протяжении изучаемого временного отрезка возникали и развивались символические аспекты социальной жизни, в частности, погребальный обряд, малые формы “искусства” и пр.

В Южном Леванте наиболее радикальные изменения в использовании внутреннего пространства жилищ произошли при переходе к докерамическому неолиту Б. На смену овальным или круглым строениям приходят прямоугольные, они часто разделены перегородками и оштукатурены. Размеры построек возрастают, появляются двухэтажные сооружения, поселки становятся гораздо крупнее.

Обитатели Охало II жили в простых овальных постройках (рис. 13) на поселении, которое располагалось на берегу озера и функционировало круглый год. Источниками пищи служили злаки, рыба и множество местных растений и животных. Вода также была доступна круглый год. Таким образом, не натуфийцы первыми решили жить на одном и том же месте в течение всего года – задолго до них именно так в отдельные периоды жили некоторые группы местного населения. Представляется, что основная единица застройки, служившая местом обитания нуклеарной семьи, менялась под влиянием колебаний среды, а также социально-экономических изменений на отрезке от времени бытования поселка на Охало II до времени возникновения поселков ДКНА. Несмотря на это, прослеживается отчетливая преемственность в форме и размерах жилищ, чашевидном профиле полов, а также в некоторых домашних занятиях. Такая устойчивость сохранялась

Рис. 13. Реконструкция хижины 1.

даже несмотря на появление новых строительных материалов и приемов. Круглые или овальные постройки площадью 8 – 12 м² без внутренних перегородок и с одним простым входом сооружались на протяжении по крайней мере 10 тыс. лет. Радикальные изменения произошли лишь при переходе к фазе Б докерамического неолита.

* * *

Мы признательны Оферу Бар-Йозефу и Анне Белфер-Козн за советы, которые они дали в процессе подготовки рукописи. Проект Охало II был щедро поддержан Археологическим фондом Sala CARE имени Ирены Леви, Израильской Академией наук, Иерусалимским Центром антропологических исследований, Фондом Л.С.Б. Лики, Музеем доистории имени М. Штекелеса, Фондом MAFCAP, Национальным Географическим обществом и Израильским комитетом по охране памятников.

Список литературы

- An Early Neolithic Village** in the Jordan Valley / Eds. O. Bar-Yosef, A. Gopher. – Cambridge: Harvard University, American School of Prehistoric Research, 1997. – Part I: The Archaeology of Netiv Hagdud. – 266 p.
- Aurenche O.** La Maison Orientale. L'Architecture du Proche-Orient Ancien des Origines au Milieu du Quatrième Millénaire. – P.: Geuthner, 1981. – 307 p.
- Banning E.B., Byrd F.B.** Alternative approaches for exploring Levantine Neolithic architecture // *Paléorient*. – 1989. – Vol. 15 (1). – P. 154 – 160.
- Bar-Yosef O.** Man – an outline of the prehistory of the Kinneret area // *Monographiae Biologicae* / Ed. C. Serruya. – N.Y.: The Hague, 1978. – Vol. 32. – P. 447 – 464.
- Bar-Yosef O.** The Natufian in the Southern Levant // *The Hilly Flanks and Beyond* / Eds. C.T. Young, P.E.L. Smith, P. Mortensen. – Chicago: The Oriental Institute, The University

of Chicago Press, 1983. – P. 11 – 42. – (Studies in Ancient Oriental Civilization; N 36).

Bar-Yosef O. The walls of Jericho: an alternative interpretation // *Current Anthropology*. – 1986. – Vol. 27 (2). – P. 157 – 162.

Bar-Yosef O. The PPNA in the Levant – an overview // *Paléorient*. – 1989. – Vol. 15 (1). – P. 57 – 63.

Bar-Yosef O. The early Neolithic of the Levant: recent advances // *The Review of Archaeology*. – 1991. – Vol. 12 (2). – P. 1 – 18.

Bar-Yosef O. The Natufian culture in the Levant, threshold to the origins of agriculture // *Evolutionary Anthropology*. – 1998a. – Vol. 6 (5). – P. 159 – 177.

Bar-Yosef O. Introduction // *The Transition to Agriculture in the Old World* / Ed. O. Bar-Yosef. – *The Review of Archaeology* (Special Issue), 1998b. – Vol. 19 (2). – P. 1 – 5.

Bar-Yosef O., Goren N. Natufian remains in Hayonim Cave // *Paléorient*. – 1973. – Vol. 1 (1). – P. 49 – 69.

Bar-Yosef O., Vogel J.C. Relative and absolute chronology of the Epipaleolithic in the Southern Levant // *Chronologies in the Near East* / Eds. O. Aurenche, J. Evin, F. Hours. – Oxford: *British Archaeological Reports*, 1987. – P. 219 – 245. – (BAR Int. Series; N 379).

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. The origins of sedentism and farming communities in the Levant // *Journal of World Prehistory*. – 1989. – Vol. 3 (4). – P. 447 – 498.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. From foraging to farming in the Mediterranean Levant // *Transitions to Agriculture in Prehistory* / Eds. A.B. Gebauer, T.D. Price. – Madison: *Prehistory Press*, 1992. – P. 21 – 48.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. Encoding information: Unique Natufian objects from Hayonim Cave, Western Galilee, Israel // *Antiquity*. – 1999. – Vol. 73. – P. 402 – 410.

Belfer-Cohen A. The Natufian graveyard in Hayonim Cave // *Paléorient*. – 1988. – Vol. 14 (2). – P. 297 – 308.

Belfer-Cohen A. The Natufian in the Levant // *Annual Review of Anthropology*. – 1991. – Vol. 20. – P. 167 – 186.

Belfer-Cohen A. Rethinking social stratification in the Natufian culture: the evidence from burials // *The Archaeology of Death in the Ancient Near East* / Eds. S. Campbell, A. Green. – Oxford: N.p., 1995. – P. 9 – 16. – (Oxbow Monograph; N 51).

Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. The Aurignacian at Hayonim Cave // *Paléorient*. – 1981. – Vol. 7 (2). – P. 19 – 42.

Belitzky S., Nadel D. Late Pleistocene and recent tectonic deformations at the Ohalo II prehistoric site (19K) and the evolution of the Jordan River outlet from the Sea of Galilee. *Geoarchaeology* (in press).

Belmaker M., Nadel D., Tchernov E. Micromammal taphonomy in the site of Ohalo II (19 Ky., Jordan Valley) // *Archaeofauna*. – 2001. – Vol. 10. – P. 125 – 135.

Boyd B. The Natufian burials from el-Wad, Mount Carmel. Beyond issues of social differentiation. *Mitekufat Haeven* // *Journal of the Israel Prehistoric Society*. – 2001. – Vol. 31. – P. 185 – 200.

Byrd B.F. The Natufian: settlement variability and economic adaptations in the Levant at the end of the Pleistocene // *Journal of World Prehistory*. – 1989. – Vol. 3 (2). – P. 159 – 197.

Byrd B.F. Public and private, domestic and corporate: the emergence of the southwest Asian village // *American Antiquity*. – 1994. – Vol. 59 (4). – P. 639 – 666.

Byrd B.F. Households in transition // *Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity and Differentiation* / Ed. I. Kuijt. – N.Y.: Plenum Publishers, 2000. – P. 63 – 98.

Byrd B.F., Monahan C.M. Death, mortuary ritual and Natufian social structure // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 1995. – Vol. 14 (3). – P. 251 – 287.

Dollfus G. Le travail de la pierre à Mallaha // *Historie et Archeologie* (Prehistoire en Israel). – 1985. – Vol. 100. – P. 69.

Edwards P.C. Problems of recognizing earliest sedentism: the Natufian example // *Journal of Mediterranean Archaeology*. – 1989. – Vol. 2 (1). – P. 5 – 48.

Edwards P.C. Wadi Hammeh 27: an Early Natufian site at Pella, Jordan // *The Natufian Culture in the Levant* / Eds. O. Bar-Yosef, F.R. Valla. – Ann Arbor: *International Monographs in Prehistory*, 1991. – P. 123 – 148. – (Archaeological Series; N 1).

Excavations at Jericho / Ed. K.M. Kenyon. – Jerusalem: *The British School of Archaeology*, 1981. – Vol. 3. – 585 p.

Excavations at Jericho / Eds. K.M. Kenyon, T.A. Holland. – Jerusalem: *The British School of Archaeology*, 1982. – Vol. 4. – 771 p.

Excavations at Jericho / Eds. K.M. Kenyon, T.A. Holland – Jerusalem: *The British School of Archaeology*, 1983. – Vol. 5. – 540 p.

Finlayson B., Mithen S., Carruthers D., Kennedy A., Pirie A., Tipping R. The Danna-Faynan-Ghuwayr early prehistory project // *Levant*. – 2000. – Vol. 32. – P. 1 – 26.

Flannery K.V. The origins of the village as a settlement type in Mesoamerica and the Near East: a comparative study // *Man, Settlement and Urbanism* / Eds. P.J. Ucko, R. Tringham, G.W. Dimbleby. – L.: Duckworth, 1972. – P. 23 – 53.

From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic – Palaeo-Indian Adaptations / Eds. O. Soffer, N.D. Praslov. – N.Y.: Plenum Press, 1993. – 334 p.

Garfinkel Y. Gesher, un nouveau site “Neolithique Prececeramique A” dans la moyenne Vallee du Jordain, Israel // *L’Anthropologie*. – 1990. – Vol. 94 (4). – P. 903 – 906.

Garrod D.A.E. The Natufian culture: the life and economy of a Mesolithic people in the Near East // *Proceedings of the British Academy*. – 1957. – Vol. 43. – P. 211 – 247.

Garrod D.A.E., Bate D.M.A. *The Stone Age of Mount Carmel*. – Oxford: Clarendon Press, 1937. – 240 p.

Gausson J. *Le Paleolithique Supérieur de Plein Air en Perigord (Industries et Structures d’Habitat): XIVe Supplement a “Gallia Prehistoire”*. – P.: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1980. – 300 p.

Gausson J. *Le Plateau Parrain (l’organisation)* // *L’Anthropologie*. – 1994. – Vol. 98 (2/3). – P. 418 – 426.

Gopher A. A preliminary report on the flints from ‘Ain Darat: a PPNA site in the Judean desert // *Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent, and their Contemporaries in Adjacent Regions* / Eds. S.K. Kozlowski, H.G.K. Gebel. – Berlin: Ex-orient, 1996. – P. 443 – 452.

Goring-Morris A.N. *At the Edge, Terminal Pleistocene Hunter-Gatherers in the Negev and Sinai*. – Oxford: *British Archaeological Reports*, 1987. – 526 p. – (BAR Int. Series; N 361).

Goring-Morris A.N. *Complex hunter-gatherers at the end of the Paleolithic (20,000 – 10,000 B.P.)* // *The Archaeology of Society in the Holy Land* / Ed. T.E. Levi. – L.: Leicester University Press, 1995. – P. 141 – 164.

- Goring-Morris A.N.** The Early Natufian occupation at El Wad, Mt. Carmel, reconstructed // *Nature et Culture* / Ed. M. Otte. – Liège: Univ. de Liège, 1996. – P. 417 – 427. – (E.R.A.U.L.; N 68).
- Goring-Morris A.N., Belfer-Cohen A.** The articulation of cultural processes and Late Quaternary environmental changes in Cisjordan // *Paléorient*. – 1998. – Vol. 23 (2). – P. 71 – 93.
- Henry D.O.** From Foraging to Agriculture // *The Levant at the end of the Ice Age*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989. – 277 p.
- Kent C.** A cross-cultural study of segmentation, architecture, and the use of space // *Domestic Architecture and the Use of Space* / Ed. S. Kent. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 127 – 152.
- Kislev M.E., Nadel D., Carmi I.** Epipaleolithic (19,000 B.P.) cereal and fruit diet at Ohalo II, Sea of Galilee, Israel // *Review of Palaeobotany and Palynology*. – 1992. – Vol. 73 (1/4). – P. 161 – 166.
- Kislev M.E., Simchoni O., Weiss E.** Reconstruction of the landscape, human economy and hut use according to seeds and fruit remains from Ohalo II // Ohalo II, a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 21 – 23.
- Kramer C.** An archaeological view of a contemporary Kurdish village: domestic architecture, household size, and wealth // *Ethnoarchaeology. Implications of Ethnography for Archaeology* / Ed. C. Kramer. – N.Y.: Columbia University Press, 1979. – P. 139 – 163.
- Kramer C.** Ethnographic households and archaeological interpretation. A case from Iranian Kurdistan // *American Behavioral Scientist*. – 1982. – Vol. 25 (6). – P. 663 – 675.
- Kuijt I., Mabry J., Palumbo G.** Early Neolithic use of upland areas of Wadi El-Yabis: preliminary evidence from the excavations of 'Iraq ed-Dubb, Jordan // *Paléorient*. – 1991. – Vol. 17 (1). – P. 99 – 108.
- Kuijt I., Mahasneh H.** Dhra': An early Neolithic village in the southern Jordan Valley // *Journal of Field Archaeology*. – 1998. – Vol. 25. – P. 153 – 161.
- Le Gisement de Hatula en Judée Occidentale, Israel** / Eds. M. Lechevallier, A. Ronen. – P.: Association Paléorient, 1994. – 341 p. – (Mémoires et Travaux du Centre de Recherche Français de Jerusalem; N 8).
- Leroi-Gourhan A., Brezillon M.** L'Habitation Magdalénienne No. 1 de Pincevent pres Montereau (Seine-et-Marne) // *Gallia Préhistoire*. – 1966. – Vol. 9 (2). – P. 263 – 385.
- Leroi-Gourhan A., Brezillon M.** Feuilles de Pincevent: Essai d'analyse ethnographique d'un habitat Magdalénien (la section 36). – P.: Editions du C.N.R.S., VIIe Supplément à Gallia Préhistoire, 1972. – 331 p.
- Lieberman D.E.** The rise and fall of seasonal mobility among hunter-gatherers: the case of the Southern Levant // *Current Anthropology*. – 1993. – Vol. 34 (5). – P. 599 – 631.
- Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity and Differentiation** / Ed. I. Kuijt. – N.Y.: Plenum Publishers, 2000. – 325 p.
- Nadel D.** Levantine Upper Paleolithic – Early Epipaleolithic burial customs: Ohalo II as a case study // *Paléorient*. – 1994. – Vol. 20 (1). – P. 113 – 121.
- Nadel D.** The organization of space in a fisher-hunter-gatherers camp at Ohalo II, Israel // *Nature et Culture* / Ed. M. Otte. – Liège: Univ. de Liège, 1996. – P. 373 – 388. – (E.R.A.U.L.; N 68).
- Nadel D.** The chipped stone industry from Netiv Hagdud // *An Early Neolithic Village in the Jordan Valley*. – Cambridge: Harvard University, American School of Prehistoric Research, 1997. – Part I: The Archaeology of Netiv Hagdud / Eds. O. Bar-Yosef, A. Gopher. – P. 71 – 149.
- Nadel D.** Scalene and proto-triangles from Ohalo II. Mitekufat Haeven // *Journal of the Israel Prehistoric Society*. – 1999. – Vol. 29. – P. 5 – 16.
- Nadel D.** Indoor / outdoor flint knapping and minute debitage remains: the evidence from the Ohalo II submerged camp (19.5 ky, Jordan Valley) // *Lithic Technology*. – 2001a. – Vol. 26 (2). – P. 118 – 137.
- Nadel D.** Tools on the floor: Examples from Ohalo II and Netiv Hagdud // *Beyond tools: Redefining the PPN Lithic Assemblages of the Levant* / Eds. I. Caneva, C. Lemorini, D. Zampetti, P. Biagi. – Berlin: Ex-orient, 2001b. – P. 273 – 282.
- Nadel D.** Society and ritual // Ohalo II – a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 60 – 64.
- Nadel D.** Stones in their symbolic context: Epipaleolithic – Pre-Pottery Neolithic continuity in the Jordan Valley // (in press).
- Nadel D., Hershkovitz I.** New subsistence data and human remains from the earliest Levantine Epipaleolithic // *Current Anthropology*. – 1991. – Vol. 32 (5). – P. 631 – 635.
- Nadel D., Danin A., Werker E., Schick T., Kislev M.E., Stewart K.** 19,000 years-old twisted fibers from Ohalo II // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35 (4). – P. 451 – 458.
- Nadel D., Carmi I., Segal D.** Radiocarbon dating of Ohalo II: archaeological and methodological implications // *Journal of Archaeological Science*. – 1995. – Vol. 22 (6). – P. 811 – 822.
- Nadel D., Werker E.** The oldest ever brush hut plant remains from Ohalo II, Jordan Valley, Israel (19,000 BP) // *Antiquity*. – 1999. – Vol. 73 (282). – P. 755 – 764.
- Nadel D., Tsatskin A., Bar-Yosef Mayer D.E., Belmaker M., Boaretto E., Kislev M.E., Hershkovitz I., Rabinovich R., Simmons T., Weiss E., Zohar I., Asfur O., Emmer G., Ghraieb T., Grinberg E., Halabi H., Weissbrod L., Zaidner Y.** The Ohalo II 1999–2000 seasons of excavation: a preliminary report. Mitekufat Haeven // *Journal of the Israel Prehistoric Society* (in press).
- Nadel D., Belitzky S., Boaretto E., Carmi I., Heinemeier J., Werker E., Marco S.** New dates from submerged late Pleistocene sediments in the Sea of Galilee, Israel // *Radiocarbon*. – 2001. – Vol. 43 (3). – P. 1167 – 1178.
- Narrol R.** Floor area and settlement population // *American Antiquity*. – 1962. – Vol. 27. – P. 587 – 588.
- Noy T.** Gilgal I: a Pre-Pottery Neolithic site, Israel – the 1985–1987 seasons // *Paléorient*. – 1989. – Vol. 15 (1). – P. 11 – 18.
- Noy T., Legge A.G., Higgs E.S.** Recent excavations at Nahal Oren, Israel // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1973. – Vol. 39. – P. 75 – 99.
- Noy T., Schuldenrein J., Tchernov E.** Gilgal I: a Pre-Pottery Neolithic A site in the Lower Jordan Valley // *Israel Exploration Journal*. – 1980. – Vol. 30 (1/2). – P. 63 – 82.
- Ohalo II – a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee** / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002.

- Perrot J.** Le gisement Natoufien de Mallaha (Eynan), Israel // *L'Anthropologie*. – 1966. – Vol. 70 (5/6). – P. 437 – 484.
- Perrot J., Ladiray D.** Les Hommes de Mallaha (Eynan) Israel. I. Les Sepultures. – P.: Association Paléorient, 1988. – 208 p. – (Mémoires et Travaux du Centre de Recherche Français de Jerusalem; N 7).
- Pidoplichko I.G.** Upper Paleolithic Dwellings of Mammoth Bones in the Ukraine. Kiev-Kirillovskii, Gontsy, Dobranichevka, Mezin and Mezhrich. – Oxford: British Archaeological Reports, 1998. – (BAR Int. Series; N 712).
- Rabinovich R.** "Drowning in numbers" – gazelles dominance and body size groups in the archaeozoological record // *Archaeozoology of the Near East III* / Eds. H. Buitenhuis, L. Bartosiewicz, A.M. Choyke. – Groningen: ARC, 1998. – Publications 18. – P. 45 – 71.
- Rabinovich R.** The Mammal Bones: food, environment and tools // Ohalo II, a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 24 – 27.
- Rollefson G.O.** Changes in architecture and social organization at Neolithic 'Ain Ghazal // *The Prehistory of Jordan, II. Perspectives from 1997* / Eds. H.G.K. Gebel, Z. Kafafi, G.O. Rollefson. – Berlin: Ex-orient, 1997. – P. 287 – 307.
- Ronen A.** Sefunim Prehistoric Sites, Mount Carmel, Israel. – Oxford: British Archaeological Reports, 1984. – (BAR Int. Series; N 230).
- Ronen A., Adler D.** The walls of Jericho were magical // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2001. – Vol. 2 (6). – P. 97 – 103.
- Simmons T., Nadel D.** The avifauna of the Early Epipaleolithic site of Ohalo II (19,400 B.P.), Israel: species diversity, habitat and seasonality // *International Journal of Osteoarchaeology*. – 1998. – Vol. 8 (2). – P. 79 – 96.
- Simmons T.** The birds at Ohalo II // Ohalo II, a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 32 – 36.
- Soffer O.** The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. – Orlando: Academic Press, 1985. – 539 p.
- Stekelis M., Yizraely T.** Excavations at Nahal Oren // *Israel Exploration Journal*. – 1963. – Vol. 13 (1). – P. 1 – 12.
- Tsatskin A.** Geoarchaeology of a prehistoric campsite on the shore of lake Kinneret // Ohalo II, a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 56 – 59.
- Valla F.R.** Aspects du sol de l'abri 131 de Mallaha (Eynan) // *Paléorient*. – 1988. – Vol. 14 (2). – P. 283 – 296.
- Valla F.R.** Les Natoufiens de Mallaha et l'espace // *The Natufian Culture in the Levant* / Eds. O. Bar-Yosef, F.R. Valla. – Ann Arbor: International Monographs in Prehistory, 1991. – P. 111 – 122. – (Archaeological Series; N 1).
- Valla F.R.** The first settled societies – Natufian (12,500 – 10,200 BP) // *The Archaeology of Society in the Holy Land* / Ed. T.E. Levi. – L.: Leicester University Press, 1995. – P. 170 – 187.
- Valla F.R., Lechevallier M.** Notes a propos de quelques foyers Natoufiens de Mallaha (Eynan, Israel) // *Nature et Fonction des Foyers Préhistoriques* / Eds. M. Olive, Y. Taborin. – Îlede France, 1989. – P. 293 – 302. – (Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile de France; N 2).
- Valla F.R., Khalaily H., Samuelian N., March R., Bocquentin F., Valentine B., Marder O., Rabinovich R., Le Dosseur G., Dubreuil L., Belfer-Cohen A.** Le Natoufien final de Mallaha (Eynan), deuxième rapport préliminaire: les fouilles de 1998 et 1999. Mitekufat Haeven // *Journal of the Israel Prehistoric Society*. – 2001. – Vol. 31. – P. 43 – 184.
- Van Beek G.W.** A population estimate for Marib: a contemporary tell village in North Yemen // *Bulletin of the Association of Oriental Research*. – 1982. – Vol. 248. – P. 61 – 67.
- Watson P.J.** Archaeological Ethnography in Western Iran. – Tucson: The University of Arizona Press, 1979. – (Viking Fund Publications in Anthropology; N 57). – 327

Материал поступил в редколлегию 13.05.02 г.